

Отделение философии в Императорской Публичной библиотеке

Г. В. Михеева

Вторая половина XVIII в. в истории библиотечного дела страны знаменовалась исключительно важными событиями. Уже в 1766 г. на «всевысочайшую Ее Императорского Величества апробацию» был представлен коллективный «План Публичной Российской библиотеки в Санкт-Петербурге» [1]. Составленный просвещенными меценатами и прогрессивно мыслящими людьми план отражал потребность «общественного просвещения россиян», он соответствовал и намерениям императрицы Екатерины II, по мнению которой нужно было «просвещать нацию, которой должен управлять» [2, с. 647]. Судьба этого нереализованного проекта давно изучалась исследователями [3; 4, с. 24], однако так и не была до конца прояснена. Тем не менее царствование Екатерины II завершилось созданием национальной библиотеки России, воплотившей стремление к укреплению национального самосознания и ставшей олицетворением интеллектуальной мощи российского государства. В основу учрежденной 16 (27) мая 1795 г. императрицей Екатериной II «государственной публичной библиотеки» [5, стб. 218] легло взятое в 1794 г. в качестве военного трофея собрание братьев Залуских, доставленное из Варшавы в Петербург.

Книги и рукописи из библиотеки Залуских поступали летом 1795 г., а уже с мая этого года началось строительство специального первого в России библиотечного здания для национальной библиотеки по проекту известного в то время архитектора Е. Т. Соколова. Проект был рассмотрен и одобрен Екатериной II [4, с. 43]. До открытия библиотеки «для общественного просвещения россиян» был еще долгий путь. Прежде всего необходимо было разобрать, учесть привезенные в ящиках на подводах книги и рукописи и организовать из них «благоустроенную библиотеку».

При вскрытии каждого ящика, чтобы не терять времени и учесть поступившие издания, книги вносились в особые списки, без всякого разбора, зачастую без указания места и года издания [6, с. 14]. Чиновником Кабинета е. и. в., губернским секретарем И. Богдановым, прикомандированным для разбора и учета привезенной из Варшавы библиотеки, были составлены описи «двух привозов книг» [7, с. 69]. В его обязанности входило проверить записи, просчитать и учесть количество книг по языкам в каждой описи. Всего по «двум привозам» (книги переправлялись частями через Ригу, а затем морем в Петербург) на 23 февраля 1796 г. поступило 262 640 книг [8, с. 91].

По поступлении книг библиотеки Залуских в Петербург управляющий кабинетом е. и. в. В. С. Попов отдал распоряжение «приступить немедленно к единообразному расклассификованию оных» [9, с. 169].

Первоначальный план организации фондов создающейся библиотеки принадлежал одному из известных деятелей русского Просвещения XVIII в. Михаилу Ивановичу Антоновскому (1759—1816). В основу организации и расстановки книжного фонда он логично положил наиболее употребительный в то время в библиотеках систематический порядок. Если первоначально Антоновский предполагал разделить весь фонд на 10 частей, затем — 9, то в итоге остановился на 7: 1) богословие; 2) законоведение; 3) естествословие и врачество; 4) любомудрие; 5) математика; 6) история и землеописание; 7) свободные, или изящные науки, художества и ремесла [6, с. 14—15]. Безусловно, это была лишь примерная схема разбора поступивших книг и формирования на их основе упорядоченной библиотеки, однако важно отметить, что уже в предложенной М. И. Антоновским схеме разбора по семи отделениям был намечен раздел «Любомудрие», т. е. «Философия».

К 1797 г. к разбору, инвентаризации и организации фондов были привлечены 13 чиновников Кабинета е. и. в. и откомандированных из других ведомств, они еще не носили звания библиотекарей, хотя в повседневной жизни и деловой переписке так и назывались [10, с. 8].

В первые годы описание фондов шло медленно. К 1808 г. чиновники, работавшие в Библиотеке, сумели разобрать всего 102 966 книг (т. е. менее 50 %), а описали из них всего 89 791 книгу [6, с. 22]. Ситуация принципиально изменилась с приходом в создающуюся библиотеку А. Н. Оленина. 29 апреля 1808 г. был назначен товарищем главного директора, «и с этого времени устройство Библиотеки пошло вперед быстрыми шагами» [6, с. 23].

Изучив детально ряд библиографических систем, существовавших к тому времени, А. Н. Оленин составил свою во многом оригинальную и превосходящую все известные классификацию наук. Согласно библиографическому порядку А. Н. Оленина, книги делились на классы, классы — на отделения, отделения — на подразделения и разряды. Всех последних разрядов в его системе насчитывалось 363 [8, с. 37—77].

Основные деления оленинской системы выглядели следующим образом [11, с. 15]:

I. Науки

Науки умственные

1. Богословие
2. Правоведение
3. Философия
4. История

Науки естественные

5. История естествознания
6. Врачебство
7. Физика
8. Химия

Науки определительные

9. Математика чистая и сложная

II. Искусства

1. Механические искусства
2. Свободные искусства
3. Словесные искусства

III. Филология

1. Языкознание
2. Полиграфия
3. Критика

В классе «Науки умственные» после отделений «Богословие» и «Правоведение» шло отделение «Философия», «ибо, — как отмечал А. Н. Оленин, — главные ее рассуждения относятся к Богословию, Законоведению и Нравственности» [8, с. 24].

В целом структура отделения «Философия» в классификации А. Н. Оленина была следующей:

(1) Существословие; (2) Душесловие; (3) Естественное богословие; (4) Учебная; (5) Суемудрие.

Подразделы, составляющие структуру этого отделения, нельзя отнести к числу новаторских. Так, в это отделение помещена «Педагогика», которую А. Н. Оленин рассматривал как часть «Опытной философии», в том же классе фигурируют и «Таинственные науки» (оккультные науки), т. е. сохраняется наполнение, характерное для большинства принятых в то время западных классификаций [12, с. 22].

Обращает на себя внимание тот факт, что в библиографической системе А. Н. Оленина употребляется понятие «отделение», которое впоследствии легло в основу административной системы Библиотеки. Однако распределение книг согласно оленинской системе отнюдь не означало, что то или иное отделение находилось в ведении библиотекаря, отвечавшего за его наполнение и развитие. В период его директорства книги по философии на итальянском, испанском, португальском, голландском, польском, литовском и латышском языках «поручены были в заведывание [Ф. И.] Брейткопфа»; «24 764 тома латинских книг по философии», а также философские сочинения на скандинавских и финском языках «находились в заведывании [М. А.] Семигановского и [Ф. И.] Ласковского»; книги на английском языке «по всем библиографическим отделениям... находились в заведывании [А. И.] Красовского»; «французскими книгами по философии... ведал [А. А.] Бюте»; греческие книги «по всем предметам... находились в заведывании [Н. И.] Гнедича»; немецкие книги «по всем библиографическим отделениям были в заведывании помощника библиотекаря [П. П.] Попова» [6, с. 54]. Таким образом, книги по Философскому отделению, в зависимости от знания языков, обрабатывали 7 чиновников Библиотеки.

Первые шаги к наведению порядка в обработке и организации фондов Библиотеки были предприняты в 1840-е гг. при Д. П. Бутурлине. Происходило постоянное перемещение фондов, слияние воедино разрозненных частей от-

раслевых отделений. В. И. Соболевский вспоминал о том времени: «Все это необозримое море книг долго колыхалось и переносилось, пока, наконец, не образовало нынешних главных отделений» [13, с. 87]. Однако это были лишь полумеры, при которых неопределенное административное положение отделений не позволяло приступить к последовательному выполнению главной задачи — созданию каталогов. М. А. Корф впоследствии отмечал: «До 1850-го года заведено было так, что библиотекари все вдруг принимались за какую-нибудь указанную часть и совокупными силами списывали заглавия ее на карточки, для приведения их после в алфавитный порядок; причем из этой части во все время работы уже ничего не выдавалось публике. Но опыт вскоре доказал несостоятельность такого распорядка, при котором исчезала всякая личная ответственность, а вместе, ко вреду самого труда, и всякое соревнование; публика же оставалась целые годы в напрасном ожидании нужных ей книг» [14, с. 30].

Впрочем, число читателей в первые годы после открытия Библиотеки было невелико: от 30 до 50 человек в день. Нельзя признать слишком солидной и книговыдачу: в 1814—1832 гг. всего было выдано 42 379 ед. хр., в том числе по Отделению философии — 3149 ед. хр., т. е. 7,4 % от общей книговыдачи [6, с. 94].

Ясный административный статус отраслевым отделениям иностранных фондов Публичной библиотеки был придан распоряжением М. А. Корфа от 14 апреля 1850 г., которое закрепило ответственность определенных библиотекарей за деятельность конкретных отраслевых отделений. Отделениям был придан характер самостоятельных в административном отношении структурных частей Библиотеки, и каждое из них стало развиваться как особая, «в себе самой замкнутая библиотека» [15, с. 100]. Коснулось это и Философского отделения.

Подобное закрепление ответственных по отделениям библиотекарей внедрялось не сразу и во многом зависело от склонностей, способностей и

знаний конкретных лиц, служивших в то время в Публичной библиотеке. Так первоначально заведующим Отделением философии был назначен Рудольф Иванович Минцлов (1811—1883). Одновременно ему поручались «словесные науки... и... инкунабулы» [6, с. 275]. До 1854 г. Минцлов продолжал заведовать Отделением изящной словесности [16, л. 32 об.]. Он заведовал Отделением инкунабул до конца жизни. Сложнее обстоят дела с определением срока его заведования Отделением философии и педагогики (так часто стали называть это Отделение) [17, л. 11]. В одних источниках упоминается, что он заведовал Отделением философии также до конца своих дней [18, с. 363]. В других указано, что в 1853—1869 гг. заведующим этим отделением был преподаватель Пажского корпуса вольноотрующихся Карл Игнат Эмилий Клевезаль (1822—1876) [19]. Как бы там ни было, Р. И. Минцлов принимал деятельное участие во всех работах Отделения философии.

В начале 1850-х гг. под его руководством в Отделении философии и педагогики книги были расставлены по форматам, внутри них — по языкам, составлены инвентарные описи, подготовлены материалы для алфавитных каталогов, отобраны и переданы в соответствующее отделение дубликаты, велась подготовка к созданию систематических каталогов. По данным Н. А. Гринченко, Р. И. Минцлов осуществлял, главным образом, наблюдение за этими работами (известно, что сам он разобрал собрание масонских книг М. Ю. Виельгорского, поступившее в Отделение философии и педагогики) [20, с. 16].

В Философском отделении Императорской Публичной библиотеки хранилась библиотека великого французского мыслителя эпохи Просвещения Вольтера, там же помещалась и статуя Вольтера скульптора Гудона, выполненная в 1781 г. по заказу Екатерины II и через два года доставленная в Россию. Как отмечалось в «Воскресном обозрении Императорской Публичной библиотеки», «знаменитый фернейский затворник предстал перед очами нашими окруженный своими сокровищами — своей библиотекой, которая была куплена по смерти Вольтера императрицей Екатериной II и ныне находится в

Публичной библиотеке. Библиотека Вольтера особенно драгоценна еще потому, что... на полях книг находятся собственные его заметки, не лишенные исторического интереса» [21, с. 17—18]. В 1887 г. статуя Вольтера была возвращена в Эрмитаж, для которого она и была заказана Екатериной II [6, с. 431].

Обладая богатейшими старыми фондами, Отделение философии и педагогики пополнялось новинками иностранной литературы весьма слабо. Так, в 1860—1890-е гг. на приобретение книг по философии выделялось всего 3 % общего бюджета, отводившегося на иностранное комплектование [11, с. 89]. Такое положение вещей не было случайным. В 1850—1860-е гг. происходило уточнение принципов комплектования иностранных фондов Императорской Публичной библиотеки. Главным принципом стал отказ от исчерпывающего комплектования иностранной литературы в пользу «всего лучшего и важнейшего и все наиболее требуемого читателями» [22, с. 44]. Изменение принципов иностранного комплектования основывалось на приказе директора М. А. Корфа, который указывал, что необходимо «богатое древностями книгохранилище наше привести в совершенный уровень и с современною наукою» [Цит. по: 11, с. 54]. Приоритет отдавался естественным наукам, литературе по технике, праву, экономике, истории. По мнению А. Ф. Бычкова, не следовало поощрять развитие богословского и философского разделов в общедоступных библиотеках, предоставив это специальным библиотекам [11, с. 59]. Таким образом, объем фондов соответствующих иностранных отделений Публичной библиотеки продолжал расти, но увеличение его нельзя было назвать существенным. К примеру, на 1 января 1879 г. в Отделении философии и педагогики было всего 8780 названий книг (10 354 ед. хр.) [6, с. 356].

По-прежнему в этот период отставала работа по созданию каталогов, без которых невозможно было обеспечить быстрое и наилучшее обслуживание читателей. Не находилось в числе передовых и Отделение философии. Первый алфавитный каталог Отделения философии и педагогики был составлен в 1855 г. Германом-Леопольдом Карловичем Цунком (1818—1877) [23, с. 562].

В 1860 г. была проведена плановая «ревизия» этого отделения, и в первую очередь «ревизовался составленный каталог». Как отмечалось в отчете о проверке каталога Отделения философии и педагогики, «по некоторым карточкам нельзя было узнать, о какой книге идет речь, а почерк был настолько неразборчив, что только немец мог понять его» [Цит. по: 24, л. 5]. К числу крупнейших недостатков этого и так «отсталого отделения» добавлялось и полное отсутствие каталогизационных работ с новыми поступлениями. На основе материалов проверки директором был сформулирован приказ Философскому отделению: «прежде всего приступить к описанию новых и чаще требуемых читателями сочинений» [Цит. по: 12, с. 196]. Однако систематический каталог все еще не был завершен и к 1862 г. [11, с. 68]. Ситуация ненадолго изменилась и в последующие годы, что позволило К. И. Э. Клевезалю в 1869 г. указать, что в Отделении философии удастся обрабатывать лишь новые поступления, и нет возможности заниматься систематическим каталогом [12, с. 196—197].

В этот же период под руководством Р. И. Минцлова для ускорения раскрытия фондов Отделения философии и педагогики была предпринята попытка создания предметного каталога, по которому можно хорошо было давать справки по запросам читателей и он не требовал создания сложной систематической схемы. В «Отчете» Библиотеки за 1874 г. рассказано об этом каталоге, особенностью которого было то, что предметная рубрика писалась в нем том языке, на котором была написана сама книга. Таким образом, если читателя интересовало, что написано о народных училищах на немецком языке, он сразу получал необходимые сведения в подобном каталоге, где информация в соответствующей рубрике располагалась в прямой хронологии. В каталоге насчитывалось 150 рубрик и 26 подрубрик, которые отражали до 4000 книг. В нем применялась инверсия прилагательных, широко использовались ссылки, и он был очень удобен в расчете на «скорую справку» [11, с. 107]. Однако этот каталог отражал лишь минимальную часть фондов Отделения, а ограничен-

ность штатов не позволяла его совершенствовать и расширять. Специалисты-историки отмечали, что это была одна из наиболее ранних попыток составления в России предметного каталога [12, с. 200], который, к сожалению, не сохранился до наших дней.

С 1864 г. в Публичной библиотеке с целью улучшения информации читателей о поступивших иностранных изданиях началась подготовка и публикация каталога новых поступлений иностранных книг — «Catalogue des nouvelles acquisitions en langues étrangères». До 1895 г. вышло 22 выпуска этого каталога, отразившего новые приобретения Библиотеки по всем отраслевым отделениям. Всего в нем отражено более 100 тыс. изданий по всем отраслям знания, и это было самое большое библиографическое издание Библиотеки в XIX в.

К концу XIX в. меняется структура читательских запросов. В связи с общим интересом к вопросам народного образования увеличился спрос на педагогическую литературу, которая по-прежнему входила в состав Отделения философии и педагогики. К концу 1890-х гг. ее выдача по сравнению с 1870-ми гг. увеличилась в 8 раз [11, с. 84] и составила 5,8 % от общего числа запросов читателей [11, с. 130]. Росло число требований на литературу по философии и социологии.

Как и во многих других отделениях Библиотеки, руководителями Отделения философии и педагогики в конце XIX — начале XX в. были известные ученые и общественные деятели. В 1884—1899 г. заведовал этим отделением философ, литературовед и переводчик Эрнест Львович Радлов (1854—1928) [25, с. 433] — впоследствии член-корреспондент АН, первый и единственный выборный директор Публичной библиотеки, немало сделавший в свое время для перехода от конфронтации с советской властью к сотрудничеству с ней и общему поиску путей реорганизации Библиотеки. Заведующий Отделением философии и педагогики Э. Л. Радлов снискал репутацию деятельного сотруд-

ника: к середине 1890-х гг. он «описал все книги» Отделения, составил «все требуемые правилами каталоги» [25, с. 434].

В приложении к «Отчету» Публичной библиотеки за 1894 г. он опубликовал список философских журналов, имевшихся в Библиотеке, что послужило улучшению обслуживания читателей [26]. С его именем связано также зарождение в Библиотеке школы вольтероведения. В 1899 г. по уходе Э. Л. Радлова, назначенного редактором «Журнала Министерства народного просвещения», на пост заведующего Отделением был назначен Александр Александрович Флоридов (1862—1913) — известный литературовед, которому с 1906 г. было также доверено возглавлять Отделение филологии и изящной словесности [27, с. 545]. Именно в период его заведования Отделение философии, логики и педагогики (принятое в тот период наименование Отделения), переехало в 1902 г. в новое здание Библиотеки, лишь на короткое время переезда прекратив выдачу книг в читальный зал [6, с. 457].

С 1908 г. Отделением философии и педагогики стал заведовать философ Владимир Михайлович Каринский (1874— после 1929) — сын известного философа и логика М. И. Каринского [28, с. 245]. Он уволился из Библиотеки в 1913 г. в связи с назначением экстраординарным профессором по кафедре философии Харьковского университета. Последним заведующим этим Отделением в 1913—1930 гг. был известный историк педагогики, один из членов-учредителей Религиозно-философского общества Василий Васильевич Успенский (1876—1930) [29, с. 529]. Нечастая сменяемость заведующих Философским отделением приводила к достаточно стабильному и планомерному его функционированию.

Уже к первому десятилетию XX в. стало очевидным, что актуальная для своего времени оленинская система классификации перестала соответствовать уровню и темпам развития наук и знания, а многие отделения стали либо дублировать фонды других отделений, либо границы их были размыты. В значительной степени это было характерно и для Отделения философии. К

этому времени его фонд состоял из трех основных частей: философия, педагогика и оккультные науки. Так, в фондах Богословского отделения и Отделения философии хранились распыленные сочинения Дж. Бруно и литература о нем. В Философском отделении собиралась литература по психологии, эстетике, натурфилософии, национальному вопросу, теории народонаселения, переводы античных авторов, что делало нечеткими границы этого Отделения с Отделением культов, Отделением естественных наук и др. В разделе «Педагогика» хранилась литература по истории педагогики, и подобная литература собиралась в Отделении истории; в том же разделе находились законы по школьному делу зарубежных стран, при этом подобной литературы было немало и в Отделении правоведения [12, с. 263]. Параллельно с Отделением естественных наук в разделе «Педагогика» собирались издания по сурдопедагогике.

Особенно богатым и неоднородным был раздел «Оккультные науки». Он включал литературу по вопросам демонологии, ведьмам, содержал сборники пророчеств, заклинаний и т. д. Кроме двух крупных частных собраний, входивших в его состав (библиотеки Виельгорских — свыше 1000 сочинений мистического содержания и книг по истории масонства — и библиотеки А. Н. Аксакова — редкого по полноте собрания книг по спиритизму и оккультизму), в составе этого раздела было уникальное собрание пословиц в качестве народной мудрости [12, с. 262]. Отдельно выделялся так и не обработанный к тому времени массив диссертаций, защищенных в XVI—XIX вв. в немецких, шведских и голландских университетах [24, л. 1—4].

Подобное нечеткое распределение тематики по отделениям приводило к постоянной передаче литературы из одного отделения в другое. Объем отделений постоянно менялся, и трудно было определить действительное увеличение иностранных фондов Библиотеки. Так, на 1 декабря 1913 г. в Отделении философии и педагогики было 48 276 ед. хр. [6, с. 480], однако прирост этот был в основном за счет перераспределения фондов.

В годы Первой мировой войны в Библиотеке в целом наблюдался естественный спад читателей, посещаемости и книговыдачи [11, с. 431]. В значительной мере касалось это Отделения философии и педагогики, читателей больше интересовали вопросы, посвященные военным действиям, экономическим и медицинским проблемам. В 1917 г. по Отделению была выдана всего 2001 ед. хр. [30, с. 4]. Не отличалось особой популярностью Отделение философии и педагогики и в первое послереволюционное десятилетие. За 1918—1927 гг. в этом Отделении был 221 читатель, оказалось зарегистрировано 533 посещения и было выдано 3039 томов изданий [31, л. 4].

В эти годы шло активное пополнение фондов Публичной библиотеки изданиями из Государственного книжного фонда, созданного в 1918 г. для спасения и перераспределения бесхозных и реквизированных библиотек. Поступали отдельные книги и целые собрания и в Отделение философии и педагогики: в Публичную библиотеку были переданы наиболее ценные издания из библиотеки легального марксиста П. Б. Струве, библиотека одного из переводчиков «Капитала» К. Маркса Н. Ф. Даниельсона [11, с. 166] и др.

Новые экономические и политические преобразования, происходившие в 1920-е гг., сопровождавшиеся культурной революцией, неизбежно требовали перестройки всех направлений деятельности Российской Публичной библиотеки (так называлась в этот период Библиотека), в первую очередь совершенствования системы ее фондов. В это время предпринимаются попытки внести отдельные элементы модернизации сложившейся отраслевой структуры фондов. Уже в ноябре 1917 г. создается Отделение социальных наук за счет передачи части фондов из Отделений истории и философии. Новое отделение функционировало непрерывно по 1921 г., с января 1927 г. было открыто вновь. За этот период (1917—1921, 1927 гг.) в Отделении социологии зарегистрировано 836 посещений читателей, которым было выдано 2504 тома [31, л. 5].

Скупые сведения, сохранившиеся в архивах по работе отделений в первое послереволюционное десятилетие, свидетельствуют о том, что в них не прекращались текущие работы. Так, в Отделении философии и педагогики в 1924—1925 гг. проводились работы по созданию систематического каталога по разделу «История материализма», в особые разделы была выделена литература философов Нового времени (начиная с Декарта и Спинозы и кончая Ницше). Значительно отрывала от этих процессов многоплановая деятельность по выполнению Рижского мирного договора, в которой В. В. Успенский принимал активное участие [32, л. 31]. В следующем году велась систематизация раздела натурфилософии, составление алфавитного каталога педагогических журналов, уточнение схем каталогов и приведение их в соответствие с требованиями времени [33, л. 1]. В 1927 г. начались предварительные работы по каталогизации Библиотеки Вольтера «с целью перевода этой библиотеки из положения музейного фонда на положение актуальной части Библиотеки, удовлетворяющей рядовые запросы читателей» [34, л. 3]. Проводилась систематизация обширной коллекции школьных отчетов и программ. Постоянно осуществлялось размежевание с Отделением культов и Отделением социальных наук по хранению и учету литературы сходной тематики. 1929 год характеризовался некоторым оживлением интереса читателей к литературе, хранившейся в Отделении философии и педагогики. Так, в 1929 г. было зарегистрировано 351 посещение читателей, которым выдано 1232 названия литературы (2414 томов) [35, л. 2].

Перераспределением материала между отраслевыми отделениями, стремлением внести отдельные исправления, дополнения, совершенствования в их систему устранялись наиболее кричащие противоречия, но это были лишь полумеры.

Кардинальные изменения в организацию комплектования, обработки, хранения иностранных фондов и обслуживания ими читателей мог внести переход на функциональный принцип работы, решение о котором было принято

на заседании Президиума Библиотеки 23 апреля 1929 г. [36, л. 25]. С 1 октября 1930 г. Библиотека была реорганизована на систему «выдвинутых современным научным библиотековедением началах функциональных секторов» [37, л. 4], вскоре переименованных в отделы. Этот переход был произведен в соответствии с разработанной и утвержденной Библиотечной комиссией Сектора науки Наркомпроса схемой структуры научных библиотек [37, л. 4 об.].

Эта перестройка работы Библиотеки в новой структуре была абсолютно закономерной. Отделенческая система, основы которой были заложены еще в начале XIX в., к этому времени полностью изжила себя, перед Библиотекой стояли другие задачи, и решать их было удобней в рамках функциональных отделов — структуры, сохранившейся в Библиотеке и по сей день.

Список литературы

1. План Публичной Российской библиотеки в С.-Петербурге // Библиогр. зап. 1861. Т. 3, № 3. Стб. 71—79.
2. Записки императрицы Екатерины Второй. Репринт. воспроизведение изд. 1907 г. Москва: Орбита, Моск. фил., 1989. VIII, 748 с.
3. Мыльников А. С. Из истории основания Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина // Библиотеки СССР: опыт работы. Москва, 1964. Вып. 25. С. 117—130.
4. Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотеки глазами современников (1795—1917): хрестоматия. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 1998. 694 с.
5. Из бумаг Василия Степановича Попова: III. Доклад ее величеству по постройке здания Публичной библиотеки, марта 1796 года: сообщ. А. С. Ставровского // Рус. арх. 1865. № 1. Стб. 217—218.
6. Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. Санкт-Петербург, 1914. 481, XXVI с.
7. Семенова Л. С. Организация комплектования фонда первой национальной библиотеки России (1795—1801) // История библиотек: исследования,

материалы, документы. Санкт-Петербург : Изд-во РНБ, 2008. Вып. 7. С. 69—100.

8. Оленин А. Н. Опыт нового библиографического порядка для С.-Петербургской императорской библиотеки. Санкт-Петербург, 1809. 109, [2] с.

9. Антоновский М. И. Записки Михаила Ивановича Антоновского // Рус. арх. 1885. Кн. 1. С. 162—178.

10. Шилов Л. А., Михеева Г. В. Предисловие // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург : Изд-во РНБ, 1995. Т. 1. С. 5—36.

11. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград: Лениздат, 1963. 436 с.

12. Коновалова М. Н. История каталогизации фондов Российской национальной библиотеки, 1795—1917 гг. [Электронный ресурс] / подгот. к печати и коммент. Г. В. Михеевой; науч. ред. Г. В. Михеева, Р. С. Гиляревский. Санкт-Петербург, 2014. 303 с. [URL: vivaldi.nlr.ru](http://vivaldi.nlr.ru) (дата обращения: 23.06.2017).

13. Соболюшкин В. С. Воспоминания старого библиотекаря // Ист. вестн. 1889. Т. 38, № 10. С. 70—92.

14. Корф М. А. Десятилетие Императорской Публичной библиотеки (1849—1859): записка, представленная государю императору директором Б-ки. Санкт-Петербург, 1859. 49 с.

15. Голубева О. Д., Михеева Г. В. 1849—1861. Модест Андреевич Корф // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795—2005. Санкт-Петербург : Изд-во РНБ, 2006. С. 94—135.

16. О мерах по приведению в порядок Исторического отделения Библиотеки и о поверке прочих // Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки (ОАД РНБ). Ф. 1. Оп. 1. 1854. Ед. хр. 36. 95 л.

17. Собрание предложений, Библиотеке данных // ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1856. Ед. хр. 22. 14 л.

18. Машкова М. В. Минцлов Рудольф (Роберт) Иванович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург : Изд-во РНБ, 1995. Т. 1. С. 361—363.
19. Вербловская М. Б. Клевезаль Карл Игнат Эмилий // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 1995. Т. 1. С. 258.
20. Гринченко Н. А. Рудольф Минцлов. Жизнь и труды // Минцлов Р. Санкт-Петербургская хроника. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 2009. С. 7—38.
21. Ивановский А. Д. Воскресное обозрение Императорской Публичной библиотеки. Санкт-Петербург, 1869. 36 с.
22. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1854 год. Санкт-Петербург, 1855. 99 с.
23. Варламова С. Ф. Цунк Герман-Леопольд Карлович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ г, 1995. Т. 1. С. 562—563.
24. Гольдберг А. Л., Пунченко З. И., Сараева Г. А. Путеводитель по алфавитному каталогу бывшего отделения философии и педагогики. Л., 1964 // ОАД РНБ. Ф. 12. Ед. хр. Т—1415. 11 л.
25. Грин Ц. И. Радлов Эрнест Львович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 1995. Т. 1. С. 433—439.
26. Радлов Э. Л. Список философских журналов, имеющих в имп. Публичной библиотеке // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1894 год. Санкт-Петербург, 1897. Прил. I. 12 с.
27. Шилов Л. А. Флоридов Александр Александрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 1995. Т. 1. С. 545—546.

28. Шилов Л. А. Каринский Владимир Михайлович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 1995. Т. 1. С. 244—246.

29. Киселева Г. Б. Успенский Василий Васильевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 1995. Т. 1. С. 529—531.

30. Отчет о деятельности Библиотеки за 1917 г. // ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 1. 1917. Ед. хр. 6. 6 л.

31. Статистические сведения по отделениям ГПБ о количестве занимавшихся читателей, поступлении книг, выдаче книг и др. для составления отчета за 10 лет Советской власти // Центральный государственный архив литературы и искусства в Санкт-Петербурге (ЦГАЛИ СПб). Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 413. 22 л.

32. Отчеты о работе отделений РПБ: инкунабул, альдов и эльзевиров, культов, еврейского, Россика, изящных искусств и технологий, философии и педагогики и др. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 267. 55 л.

33. Отчет о деятельности Отделения философии и педагогики за 1925 г. и 1926 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 347. 6 л.

34. Отчеты о деятельности Отделения философии и педагогики. Протоколы производственного совещания // ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 431. 21 л.

35. Отчет о деятельности Отделения философии и педагогики за 1929 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 581. 5 л.

36. Протокол № 15 заседания Правления Государственной Публичной Библиотеки 9 мая 1929 г. // ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 13. 1929. Ед. хр. 4. Л. 24—25.

37. Проект изменения структуры ГПБ и др. материалы по переходу на функциональную систему и [доклад] об итогах работы ГПБ в 1930 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 618. 61 л.